

ЧЕЛОВЕК И ПРАВО В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА Б. КИСТЯКОВСКОГО

Зоряна ГОМЕНЮК,

аспирант кафедры теории и философии права Института права и психологии
Национального университета «Львовская политехника»

Summary

One of leading aspects of the philosophical conception of the legal state of B. Kistyakovsky, based on realization of principles of domination and supremacy of right, a question was about reality of right as empiric essence in all its diversity. Distinguishing social nature of right from such variety of displays, a scientist examined it as the social phenomenon, it is closely linked with the person, it's existence. The embodiment reality this law is primarily the highest value, which is designed to protect and cultivate the entire system of law, because it is a common form of regulatory co-existence of people, that converts such community into society. Exactly a justice that captures the proper order of human society, the proper state of affairs in general, which should be established as a result of proper execution of people's (primarily by individuals) debts, including legal.

Key words: human, law, spiritual freedom, state, legal state, sense of justice.

Аннотация

Одним из ведущих аспектов философской концепции правового государства Б. Кистяковского, основанной на реализации принципов господства и верховенства права, был вопрос о реальности права как эмпирической сущности во всей ее многогранности. Выделяя из такого разнообразия проявлений социальной природы права, ученый рассматривал его как социальное явление, тесно связанное с человеком, его бытием. Воплощение реальности права – высшая ценность, которую призвана защищать и культивировать вся система права, поскольку она является регулятивной формой совместного сосуществования людей, превращает такую общность в общество. Именно справедливость фиксирует тот надлежащий порядок человеческого общежития, состояние дел в целом, который и должен быть установлен вследствие соответствующего выполнения людьми (прежде всего, личностями) своего долга, в том числе и правового.

Ключевые слова: человек, право, духовная свобода, государство, правовое государство, правосознание.

Постановка проблемы. Современные философы права констатируют, что, наряду с существующей неоднозначностью подходов к трактовке такой ключевой ценности права, как справедливость, безусловно, является определяющей чертой правовой личности и полифония ее содержания, которая усиливается разнообразием общественного бытия.

Актуальность темы исследования. Из природы взаимоотношений государства и личности (индивида), по концепции Б. Кистяковского, следует осуществление прав человека как обязательное условие политического, правового, социального развития общества. Только такое государство (а по мнению ученого, это, прежде всего, конституционное, правовое государство) можно считать социально справедливым, строящим отношения только на принципах обеспечения достойного человеческого существования, в силу соответствующих каждому лицу прав.

Состояние исследования. Во время, когда жил и активно работал Б. Кистяковский, учение о государстве, правах человека было не менее актуальным, чем сейчас. Во второй половине XIX в. проблемы легитимизации

правового государства затрагивали в своих философско-правовых трудах такие авторитетные правоведы, как Б. Чичерин, П. Новгородцев, М. Ковалевский, В. Гессен, С. Котляревский и другие.

Целью и задачей статьи является исследование человека и права в философской концепции правового государства Б. Кистяковского.

Изложение основного материала. С. Максимов полагает: «...согласно двум измерениям общественного бытия – персональному и институциональному – существует два понятия справедливости: а) справедливость как характерная черта личности, которую еще Платон относил к четырем основным добродетелям человека, наряду с рассудительностью, мужеством и мудростью (субъективная справедливость); б) справедливость, которая касается социальных институтов (объективная справедливость), – прежде всего, политическая справедливость, которая относится к сфере права, государства и политики» [1, с. 279–280]. Именно такими критериальными признаками справедливости руководствовались, на наш взгляд, представители элиты российской интеллигенции, уровень правового сознания которой, по

определению украинского правоведа, был крайне низким. А пока, когда «...говорится о том, что следует различать такие варианты содержания понятия «справедливость», как, с одной стороны, характеристику личности в ее отношении к другим субъектам и общества, а с другой, – как характеристику общественной организации и того места и значимости, которую приобретает отдельный индивид в контексте этой организации», – то в этом смысле, как считает М. Цимбалюк, «содержательная вариативность справедливости построится, если учитывать следующее обстоятельство: справедливость можно рассматривать и как самооценку на каждом из уровней (ведь она может выражать характеристику как собственных действий отдельной личности в пределах ее правосознания, так и действий общественных институтов на уровне официальной правовой идеологии), и как их взаимооценку (оценку справедливости общественного устройства индивидом, и наоборот – общественную оценку индивидуальных действий, позиций и настроений)» [2, с. 214].

Философский анализ ученым сущности справедливости (нравственно должного) направлялся, как считает

А. Финько, «в основном, против идеи нравственного релятивизма, и следовательно, ставил себе целью доказать непреходящий трансисторический характер нравственных норм. Обоснование неизменности главных моральных правил осуществлялось ним вполне в духе апологии кантовского этического рационализма. Правда, чисто формалистический характер кантовской этики Кистяковский немного смягчил, введя понятие «культурное сообщество» [3, с. 154], к которому, безусловно, относится правовая личность, дисциплинированная правом, обладающая всеми правами и свободой воли.

В. Бигун для того, «чтобы способствовать путем оптимизации формированию более целостного понимания человека, в том числе в праве», вполне оправданно и креативно вводит понятие «правовое человекопонимание – как концептуальный элемент осмысления идеи «правовой личности», которой, в совокупности с темой образа человека, касался Б. Кистяковский, хотя, как признает ученый, «вопрос о понимании человека в праве он освещал фрагментарно» [4, с. 336], от себя добавим, что в основном – в связи с серьезной и вполне обоснованной им критикой состояния правосознания русской интеллигенции. «Этот факт (то есть фрагментарность обращения к освещению, по словам ученого, правового человекопонимания. – З.Г.), – отмечает В. Бигун, – возможно, объясняется тем, что ученый не ставил себе такую задачу, или не смог его реализовать (не исключено, что не сохранились все его труды). Об этом формально свидетельствует и структура работы «Социальные науки и право» (четыре раздела: «Общество», «Право», «Государство», «Культура»), где отсутствует отдельный раздел о человеке [4, с. 336].

Политико-философский мировоззренческий прогресс давал основания надеяться, что на этом пути, по словам ученого, «можно ожидать, что наша интеллигенция, наконец, признает безусловную ценность личности и будет стремиться к осуществлению её прав и неприкосновенности». Однако такие надежды, которые тесно связаны с формированием правовой личности, оказались напрасными. Причина – «де-

фекты правосознания нашей интеллигенции не так легко устранимы».

Очевидно, конъюнктурное поведение тогдашней элиты общества сказалось, по выражению Б. Кистяковского, на «нищете нашего правосознания и впечатляющем бесплодии освободительной борьбы в правовом отношении»; может быть объяснена господством интереса, который современный правед А. Ющик считает движущим началом в жизнедеятельности людей: «Если признать, что именно соотношения интересов выступают как существенные, закономерные начала человеческих отношений, как основополагающий принцип сообщества, который подчиняет себе все остальные принципы, без которых нельзя понять ни одного явления общественной жизни, – значит, надо обращаться к отношениям интересов, выяснять законы их развития» [5, с. 225]. Исследуя диалектику интереса и общественных отношений, анализируя в этом контексте концептуальные положения ряда выдающихся ученых-правоведов, философов права, О. Ющик, в частности подчеркивает, что Г. Кельзен, определяя понятие предмета теории права, «вынужден был обращаться к тем же проблемам, чтобы упорядочить человеческое поведение правом, разграничением права и морали и т.д., к которым обращалось и традиционное правоведение. При этом, критикуя определение «субъективное право» как юридически защищенный интерес, автор (речь идет об австрийском ученом Г. Кельзене. – З.Г.) отмечает дуализм традиционной юриспруденции, которая противопоставляет право в объективном и субъективном смысле. Если первое является системой норм, то второе – чем-то отличным от него, интересом, и тогда невозможно подвести первое и второе под общее для них, более высокое понятие. Поэтому субъективное право не может быть интересом, защищенным правом, а только скрытой в объективном праве защитой этого интереса. И заключается данная защита в том, что правовой порядок связывает с нарушением этого интереса санкцию, то есть устанавливает правовое обязательство не нарушать указанный интерес» [5, с. 210]. Комментируя эту точку зрения основателя учения «о чистом правоведении», ссылаясь на известного российского

юриста М. Коркунова и разделяя в целом его позицию, А. Ющик отмечает: «Осуществление наших интересов невозможно вне отношения к другим людям. Да и сами интересы, определяющие содержание человеческой деятельности, складываются под воздействием не только личных условий, а, вероятно, еще в большей степени под влиянием общественных условий, и поэтому значительная их часть имеет не индивидуальный, а социальный характер. Поэтому человеку при необходимости приходится считаться не только со своими собственными интересами, но и с интересами других людей, без общения с которыми он не может существовать» [5, с. 210–211].

Обращаясь к трактовке категории «интерес» («интересы») с позиций диалектики права, имеем основание отметить, что в наиболее конкретизированном виде возникновение, а затем переплетение именно человеческих интересов находило свое выражение в идейно-политической сфере (по выражению Б. Кистяковского) «освободительной эпохи». Исторический опыт показывает, что утверждение человеческих, а также социальных интересов, как правило, осуществляется в виде определенных идеологических концепций, теорий, программ. Правда, ими, в основном, игнорируется правовая идеология, что вполне закономерно приводит к состоянию «нищеты сознания», к значительным осложнениям в формировании правового общества, в котором приоритет принадлежит правовой личности.

Целесообразно проследить рассуждения А. Ющика, который, по его словам, переходит «непосредственно к рассмотрению интереса в его отношении к праву», ссылаясь на «блестящую характеристику господства частного интереса над правом», которую дал К. Маркс в одной из своих ранних работ, где утверждал, что «интерес по своей природе является слепым, таким, что не знает меры, односторонним, одним словом, – незаконным естественным инстинктом ...». «..Интерес, таким образом, рассматривался им (К. Марком. – З.Г.), – пишет А. Ющик, – нечто такое, что появляется с самых основ человеческого существования, в отличие от права, принципы которого приносят в жертву частному интересу». И далее: «..интерес, прежде всего, пред-

ставляется как непосредственное деятельностное выражение человеческой потребности, этой насущной практической необходимости индивидов». Это утверждение автор подкрепляет выражением К. Маркса: «Никто не может сделать что-то, не делая это одновременно для какой-то из своих потребностей» [5, с. 212–213].

Философы рассматривают потребности как фактор поведения человека, его деятельностную установку. Исследуя соотношение категорий «социальная потребность» и «интерес», Р. Гринкевич доказывал, что первая «в онтологическом плане выражает собой непосредственную связь объективной необходимости и ее практического проявления» [6, с. 108].

Человеческие потребности, по мнению современных социальных философов, имеют предметную направленность, которой предшествует так называемое «поисковое» поведение в пределах ситуации (связанной с возникновением интереса), когда актуализация и конкретизация потребностей стимулирует поиск предметов и способов их удовлетворения. Таким образом, образуется конкретно-исторический механизм возникновения, функционирования и удовлетворения потребностей [6, с. 507]. Учитывая сущностное назначения этой социальной категории, А. Ющик резюмирует: «Итак, потребность – это момент социальной жизнедеятельности индивидов или, конкретнее, исходный момент развития противоречивого отношения индивида к условиям его общественной жизни. Возникновение потребности связано с нарушением единства индивида с внешней средой и появлении недостаточности условий жизнедеятельности для него. Нарушение единства, тождества индивида с внешней средой означает, что нужные ему условия жизнедеятельности отсутствуют в его жизненной сфере, сфере его потребления, но имеются, присутствуют во внешней среде. Из этого возникают внутренние вопросы индивида в таких условиях и объективная необходимость создать необходимые условия в его жизненной сфере, пополнить возникшую нехватку в них, восстановить тождество индивида с внешней средой и таким образом избежать противоречия, присущего

жизни вообще. Четко говоря, потребность и выступает как естественный способ проявления указанной необходимости, она является непосредственной формой существования возникших нужд, их практическим выражением» [5, с. 231–214].

Попробуем реализовать свое намерение через попытку моделирования дискурса интерполятивно выявить детерминанты убогого состояния правосознания русской интеллигенции, зафиксированного, как уже отмечалось выше, Б. Кистяковским, и в определенной степени им объясненного в статье «В защиту права» отсутствием правовых чувств, а следовательно, пониманием необходимости создания правового общества, воспитания правовой личности. Подчеркнем еще раз, что к этому вопросам ученый подходил фрагментарно. Будучи последовательным сторонником и практиком плюралистического подхода к интерпретации правовых явлений, Б. Кистяковский уже в одной из своих ранних публикаций отметил: «...Нет единых, одних и тех же идей свободы личности, правового строя, конституционного государства, одинаковых для всех народов и времен, как нет капитализма или другой хозяйственной или общественной организации, одинаковой для всех стран. Все правовые идеи в сознании каждого народа получают своеобразную окраску и свой собственный оттенок» [7, с. 113]. Именно такой оттенок и такую личность показал ученый, рассматривая правовое сознание тогдашней элиты российского общества, состояние которой было обусловлено, на наш взгляд, теми социально-политическими обстоятельствами, которые находили отражение в правовых реалиях, на которых сказывалась необходимость реформаторских преобразований, оппозиционными которым становились даже революционно настроенные представители большевистского крыла российской социал-демократии.

«Под правовым обществом, – отмечает С. Максимов, – понимается саморегулируемое общество, в котором ограничением свободы одного субъекта есть также равная свобода другого субъекта, или такое общество, в котором утверждён принцип господства права. Понятие «господства права» близко по значению с понятием «вер-

ховенство права» и «правление права». Его употребление объясняется тем, что именно оно применялось в отечественной дореволюционной философии права, в частности Б. Кистяковским» [1, с. 310].

Развивая это положение, автор продолжает: «Правовое общество выступает как гипотетически идеальное состояние, что является альтернативным как состоянию жесткой упорядоченности и доминированию политического господства (при реальном отсутствии порядка), так и состоянию аномии, то есть дезорганизации, распада и вседозволенности. Конечно, решения этой задачи связывается с формированием правового государства, что верно по сути, но недостаточно. Идея правового государства – это идея ограничения государственной власти человеческой личностью, ее неотъемлемыми правами, а также нормативно-институциональное обеспечение этих прав. Однако для того, чтобы что-то гарантировать, оно должно быть, как некоторая реальность, субъективно-волевым. Это значит, что право, как форма отношений между людьми, должно найти свое воплощение за пределами государства, в сфере гражданского общества, и признаваться как ценность, если не всеми и каждым, то, по крайней мере, большинством. Следовательно, речь идет о формировании, а точнее, – о становлении именно правового общества как такого, где все подчинено праву, но не для подчинения, а ради возможности выражать свое мнение, принимать собственные решения, чувствовать себя самостоятельным и независимым от воли тех, кто имеет власть» [1, с. 310–311].

По мнению С. Максимова, «понятие «правовое общество» лучше, чем «правовое государство», передает содержание английского понятия «rule of law» («правление» или «верховенство права»), что как принцип конституционного строя означает приоритет права над политической властью, равенство всех (в том числе, и власти) перед законом и судом, а также соблюдение фундаментальных (или природных) прав человека». Объединение, которое само по себе является целью, имеет вполне определенные установки и стремления. «Только подчиняясь принципам, не предполагающим никакой

конкретной цели, человек может идти к великой цели, что согласуется с аналогичной свободой для всех» [8, с. 83]. Считая исходным для характеристики феномена правового общества понятие правового лица, ученый с позиций философии права обосновывает это концептуальное положение, отмечая, что «человек как субъект права является моральным субъектом, то есть рациональным существом, которое, по теории справедливости Дж. Ролза, на которую ссылается С. Максимов, имеет свою цель и способно чувствовать справедливость». «Благодаря понятию морального субъекта оказывается возможным выйти за рамки юридической трактовки принципа верховенства права и выразить его в терминах приоритета права в отношении блага и приоритетного обоснования права» [8, с. 83]. Именно на этих его рассуждениях, правильность и доказанность которых мы разделяем, базируется представление о человеке как «о морально-автономном индивиде, не требующем внешней оценки при осуществлении ценностно-нормативного выбора». Автономность и ответственность такого лица (правовой личности) становятся определяющими чертами его как субъекта, на существование которого ориентируется право. «Именно лицо, осуществляющее свое право на самореализацию, является основополагающим условием существования и гражданского общества, и правового государства. Как субъект правового общества, оно предстает в мундире гражданина. Гражданин, в отличие от просто подданного, имеет возможность и способность свободного выражения своей воли. Ему присущи достоинство и мужество, готовность встать на защиту ценностей свободного общества. У него есть гражданская ответственность, и его правосознание принципиально отличается от просто закономерного сознания члена неправового общества» [8, с. 83–84].

Очевидно, что «члена неправового общества никоим образом нельзя считать правовой личностью не только потому, что он как гражданин наделен закономерным сознанием», а, прежде всего, потому, что для него права – не ценность, а фетиш, буква закона. «В теории правосознания на первый план выходит обоснование безусловности

права. Если в условиях правового общества утвердилось, что смыслы права выражают себя как бы автоматически, и нет необходимости нравственного участия индивида в правовых нормах, то в условиях становления правового общества ригористическое соблюдение установок правового сознания является этической обязанностью любого ответственного человека» [8, с. 84]. А таким ответственным человеком может быть, в первую очередь, правовая личность, добропорядочность, честность и точность выполнения своих обязательств которой проявляется не только в соблюдении этих принципов, но и в способе мыслей, то есть в ее правовых установках. К такой ответственности призвал русскую интеллигенцию украинский правовед, ставя перед ней задачу выступить в защиту права, прежде всего, – путем повышения уровня правосознания элитарного слоя общества. Акцентируя внимание на важности влияния интеллигенции на организационные моменты построения правового государства, М. Альчук, которая подробно проанализировала статью Б. Кистяковского, опубликованную в сборнике «Вехи» 1909 г., отмечает, что, по его мнению, «...интеллигенция пробудится сама, а также активно и творчески будет способствовать воспитанию правосознания своего народа, реорганизовывать государственную власть – от власти силы к власти права, она также изменит свое отношение к правам человека и к объективному правопорядку» [9, с. 208].

Правовое сознание украинский правовед рассматривал, прежде всего, как философско-правовую проблему. Несмотря на то, что ни в анализируемом труде, ни в других его произведениях не находим определение этого понятия, однако в разных контекстах трактуется правосознание как определяющий элемент и субъективная основа правовой реальности, как необходимый компонент генезиса, функционирования и развития права, ведь данный компонент присутствует в процессах правотворчества, правоприменения и соблюдения права. Итак, правосознание как признак правовой личности, образ которой фрагментарно создан в различных аспектах украинским правоведом, является тем философско-правовым фактором, без которого трудно себе представить

правовую реальность. Глубже осмыслить такую позицию, на наш взгляд, могут помочь современные трактовки (а их встречаем в трудах отечественных ученых, поэтому остановимся на нескольких) правосознания как системы чувственных и мыслительных образов коммуникативно-волевой направленности, по которым происходит непосредственное и опосредованное восприятие правовой реальности. То есть правосознание личности служит отражением особого измерения ее правовой осведомленности, отношения человека к праву, правового поведения людей. Так, по мнению Н. Пильгун, правосознание можно рассматривать как своеобразный механизм саморегуляции поведения лица, а это объясняется его способностью ориентировать субъекта права в различных правовых ситуациях, делать правомерный выбор, принимать юридически значимые решения в процессе жизнедеятельности. «Ключевой пункт правосознания – это осознание людьми ценностей права, прав и свобод и законных интересов человека и оценка действующего права с учетом его соответствия общечеловеческим ценностям, то есть правосознание является субъективной формой реализации функций права» [10, с. 37].

В отечественной юриспруденции типологизация принципов правосознания представляется достаточно широким спектром. Это обусловлено, как считает Д. Андреев, различным пониманием философами и юристами природы правосознания. Подчеркивая, что термин «правосознание» олицетворяет собой синтез философского понятия «сознание» и юридического понятия «право», ученый отмечает: «В зависимости от признания первичности права или сознания, в правосознании различают два основных направления. Правосознание рассматривается как продукт права, правовых явлений, а поэтому характеризуется как совокупность взглядов и чувств, которые отражают правовые явления. Или оно представляет собой систему взглядов на действующее право и правовые явления, или берет начало в общественном бытии и является источником права» [11, с. 107–108].

Бесспорно, как отмечает М. Альчук, «проблемы правосознания лица и его правовой культуры являются актуальны-

ми и сегодня, в период построения правового государства в Украине» [9, с. 208]. Важно, учитывая такую актуальность, посмотреть, как же решаются данные проблемы, учитывая их масштабность, в частности, – в становлении независимой, беспристрастной и добропорядочной судебной системы. Как когда-то Б. Кистяковский, так теперь известный отечественный ученый М. Козюбра с грустью констатирует, что за годы независимости Украины этого так и не произошло. «Причин много – от исторических традиций, нынешнего статуса судей, до состояния их менталитета, который, правда, также формируется средой, в которой судьи работают, и нехватки государственной воли к настоящему, а не имитируемому реформированию судебной власти» [12, с. 314].

Если прибегнуть к аналогии, то Судебные Уставы 1864 российский императора, по оценке Б. Кистяковского, были прогрессивными правовыми актами, правда, впоследствии сведенными, на радость политической конъюнктуре, на нет, а принятый законодательный акт, по мнению М. Козюбры «не только не привел к независимости суда и судей, но расширил возможности для политического и иного незаконного воздействия на судей, на практике поставил их в еще большую зависимость от законодательной и исполнительной власти» [13, с. 85]. «Если до принятия Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей» среди многих специалистов все еще бытовало мнение о возможности проведения судебной реформы без внесения изменений в Конституцию Украины, то сегодня практически все (и ученые, и практики) единодушны: без конституционных изменений полноценная судебная реформа в Украине невозможна. Такие изменения должны охватывать комплекс мероприятий: изъятие из процесса формирования судейского корпуса политических органов, которые, как показывает украинский опыт, не могут быть политически беспристрастными при назначении и избрании судей; закрепление в Конституции принципа неменяемости судей, как это зафиксировано в конституциях многих европейских стран, и на что неоднократно обращали внимание зарубежные эксперты, в частности Венецианская комиссия; реформирование предусмотренных действующей Конституцией процедур и оснований привлечения судей к дисциплинарной

ответственности, лишения их иммунитета, освобождения судей от должности для максимальной деполитизации этих процессов; привнесение в соответствие с европейскими стандартами порядка формирования, функций и полномочий Высшего совета юстиции и т.д.» [13, с. 86].

Выводы. Безусловно, указанные изменения существенно могут сказаться на результативности необходимой Украине судебной реформы. Однако, как ни прискорбно, приходится констатировать, что даже в наше время уровень правового сознания значительной части украинской интеллигенции все еще не соответствует таким потребностям. «Глубокого осознание социальной и правовой ценности института независимости суда и судей, – отмечает М. Козюбра, – сегодня нет как в верхних эшелонах власти, так и, к сожалению, у значительной части населения. Независимость судей часто продолжает восприниматься как привилегия судейского корпуса, а не как одно из важнейших достижений европейской, а сейчас и общемировой цивилизации». Подчеркивая необходимость и важность глубокого реформирования во многих сферах общественно-политической и правовой жизни, ученый считает, что для этого «нужны не декларации, не «создание престижной видимости» и имитация реформ, а трансформация ценностей в сознании, прежде всего, – в правовом сознании политической и других элит, наличие в них воли к настоящему изменению реальности» [20, с. 86], необходимой для восприятия, утверждения и развития ценностно-целевых ориентиров реформирования общества и превращения его в правовое общество; в общем смысле означает ассоциацию (сообщество) правовых личностей, философско-правовое осмысление статуса которых осуществлялось еще в начале прошлого века Б. Кистяковским.

Список использованной литературы:

1. Максимов С.И. Правовая реальность : опыт философского осмысления : [монография] / С.И. Максимов. – Х. : Право, 2002. – 328 с.
2. Цимбалюк М. Суспільнобудуттєва рівновага та онтологія справедливості /

М. Цимбалюк // Право України. – 2011. – № 3. – С. 212–219.

3. Фінько А.Є. Богдан Кістяківський та ревізіонізм : до питання про політико-правову теорію етичного реформ соціалізму / А.Є. Фінько. – К. : Стило, 2000. – С. 126–182.

4. Бигун В. Человек и право в работах Б.А. Кистяковского : традиции и современность / В. Бигун // Проблемы философии права : сб. статей / под ред. А.Н. Литвинова. – Луганск : РИО ЛГУВД, 2006. – С. 324–342.

5. Ющик А.И. Диалектика права / А.И. Ющик. – К. : Ін Юре, 2013. – Кн. 1 : Общее учение о праве (Критический анализ общеправовых понятий). – Ч. 1. – 456 с.

6. Філософський словник соціальних термінів / В.П. Андрущенко, Т.В. Андрущенко, В.Г. Антоненко, В.С. Бакіров та ін.; за заг. ред. В.П. Андрущенка. – 3-те вид., доповн. – Х. : «Р.Н.Ф», 2005. – 672 с.

7. Кистяковский Б. Идея равенства с социологической точки зрения / Б. Кистяковский // Мир Божий. – 1900. – № 4. – С. 160–169.

8. Максимов С. Про концепт правове суспільство / С. Максимов // Право України. – 2010. – № 7. – С. 82–87.

9. Альчук М.П. Богдан Кістяківський. На захист права / М.П. Альчук // Проблеми філософії права. – 2006–2007. – Т. IV–V. – С. 207–211.

10. Пильгун Н.В. Роль виховної функції права та правового виховання у формуванні особистості / Н.В. Пильгун // Держава і право. – 2012. – Вип. 55. – С. 34–40.

11. Андреев Д.В. Взаємодія влади та громадськості : механізми соціально-правової комунікації : [монографія] / Д.В. Андреев. – К. : ТОВ «Друкарня «Бізнес поліграф», 2013. – 336 с.

12. Козюбра М.І. Верховенство права і Україна / М.І. Козюбра // Загально-теоретичне правознавство : зб. наук. статей / голов. ред. А. Мелешевич. – К. : Дух і літера, 2013. – С. 271–328.

13. Козюбра М. Особливості правової системи України і їх вплив на втілення європейських правових стандартів у національну законодавчу й правозастосовну практику / М. Козюбра // Проблеми застосування міжнародних стандартів у правовій системі України / під заг. ред. Є.Б. Кубка. – К. : ПрАТ «Юридична практика», 2013. – С. 75–94.